

Храм Чэнхуаня.

После того как Сюань Е и Монах Тан в спешке удалились, старый плешивый монах мрачным взглядом проводил исчезающие фигуры.

— Бодхисаттва! — тихо позвал маленький монах, следовавший за стариком.

— Хуэйань, как ты думаешь, какова природа буддийского усердия тех двоих? — мягко произнес старец, которого называли Бодхисаттвой.

— Мудрость от рождения, а свет буддийской природы подобен сиянию Будды — словно переродившийся Татхагата, чьи заслуги неизмеримы!

Хотя он и ничего не знал о Цзиньчаньцзы, Хуэйань всё же провел в духовных практиках немало лет и с первого же взгляда разглядел необыкновенную суть Монаха Тана.

— А второй?

К сожалению, Бодхисаттва Гуаньинь спрашивала вовсе не о Монахе Тане.

— Второй... от него веет непроницаемой глубиной...

Хуэйань никак не ожидал, что Бодхисаттва заговорит о другом спутнике, на мгновение замер и лишь затем медленно ответил. Но едва закончив фразу, он тут же резко опешил.

Обыкновенный смертный, чью суть он не в силах разглядеть — уже само по себе это было огромной проблемой.

Ведь он сам — небожитель ранга небесного бессмертного.

Если не удастся разглядеть человека или чьё-то присутствие ускользает от его взгляда, это значит лишь одно: дело приняло серьезный оборот.

— Бодхисаттва?! — опомнившись, Странник Хуэйань удивленно уставился на Бодхисаттву Гуаньинь.

— Вот это и есть переменная!

Не став ничего объяснять Хуэйаню, Бодхисаттва Гуаньинь погрузилась в тяжелые раздумья.

Десятое перерождение Цзиньчаньцзы покинуло Монастырь Цзиньшань на три года раньше положенного срока, к тому же овладело диковинной техникой культивации, да вдобавок рядом с ним околачивается посторонний человек, которого не было в изначальных планах.

К тому же смертная оболочка Цзиньчаньцзы в этой жизни явно сильно привязана к этому спутнику.

В этот миг в голове Бодхисаттвы пронеслись тысячи мыслей.

Чем больше она знала, тем шире раскидывалась сеть ее размышлений.

— Пусть Чэнхуань сначала наведет справки. Раз этот человек столь близок к нынешнему воплощению Цзиньчаньцзы, мы просто уберем его, чтобы этим потрясением подтолкнуть Цзиньчаньцзы к пробуждению!

— Намо Амитабха, великое дело Западного Похода не терпит срывов!

Тихо произнеся имя Будды, Бодхисаттва Гуаньинь приняла окончательное решение.

Раз уж объявилась переменная, значит, от нее следует избавиться, вернув Монаха Тана на предначертанный путь.

Только что она на расстоянии уже очистила и стерла «посторонние техники», которые Монах Тан успел изучить.

Конечно, в Чанъани, где обитает Сын Неба, ее божественная сила была сильно сжата, и действовать в полную силу не представлялось возможным.

Однако кое-какие мелкие фокусы она все же была способна провернуть.

Ради великого дела Западного Похода Буддийская школа не пожалела накопленных заслуг.

— Намо Амитабха!

Приняв решение, Бодхисаттва Гуаньинь шагнула прямо в главный зал и призвала дрожащего от страха Чэнхуаня...

В то же время.

Сюань Е, спешно уводивший Монаха Тана из Храма Чэнхуаня, чувствовал, как внутри него поднимается тревога и жгучий страх.

Ему даже захотелось махнуть на всё рукой и пустить дела на самотек!

У меня же есть золотой палец и бесконечная шкала жизни, нужно просто сидеть тише воды ниже травы да спокойно совершенствоваться — какое мне вообще дело до этого Западного Похода?

Не хочу больше возиться!

Хотя его запас из десятков тысяч лет жизни и появился на свет благодаря тому, что он откусил от Монаха Тана, да и воспоминания в его голове о совместном с Монахом Таном времени были самыми светлыми, он всей душой противился тому, чтобы Монах Тан стал пешкой в чужой игре.

Он хотел, чтобы его маленький младший братик, который вечно таскался следом за ним, оставался прежним во веки веков.

А вовсе не для того, чтобы некий великий учитель буддизма, второй ученик самого Будды — сам Цзиньчаньцзы — в конце концов обрел память и стер личность его младшего брата.

Но столкнувшись лицом к лицу с Бодхисаттвой Гуаньинь, он смертельно испугался.

Перед тем сиянием, величественным и ослепительным, как само солнце, он ощутил себя жалкой светящейся букашкой, не способной оказать ни малейшего сопротивления.

Даже с его золотым пальцем, даже накопив сто тысяч или миллион лет жизни, он чувствовал, что не сможет выдержать и одного шлепка Гуаньинь.

И это при том, что перед ним была лишь проекция истинного облика Гуаньинь после сильнейшего ослабления в императорской столице смертных...

— Но мать Монаха Тана должна быть спасена!

Немного подавленный пережитым потрясением, Сюань Е заставил себя принять твердое решение.

Он испугался, но некоторые вещи сделать было необходимо.

Прошлой ночью Монах Тан пришел к нему не только потому, что непривычная обстановка

мешала уснуть — была и другая причина: он тосковал по матери.

Просто он не хотел лишний раз нагружать старшего брата своими заботами и потому не заводил об этом речи.

Но Сюань Е все чувствовал.

— Старший брат, мы теперь в буддийский храм направляемся?

Заметив, что настроение Сюань Е переменилось, Монах Тан крепко обнял его за плечи и одарил теплой улыбкой.

— Идем!

Слова уже были сказаны в присутствии Гуаньинь, и Сюань Е не собирался отступаться, дабы не привлекать к ним еще больше внимания.

Монах Тан только что обмолвился, что воспоминания об Упражнениях для возвращения жизни в его голове почему-то начинают блекнуть и таять.

Тут и гадать нечего: это дело рук самой Гуаньинь.

Шагая по направлению к ближайшему буддийскому храму, Сюань Е одновременно мысленно вызвал свою системную панель.

Он опасался, что его собственную технику культивации эта богиня тоже обратила в ничто.

— Хм?

Стоило панели раскрыться, как Сюань Е остолбенел.

Все его техники были на месте, но вот шкала продолжительности жизни изменилась.

Она не уменьшилась.

Напротив, в ней появилась новая строка.

□Имя: Сюань Е□

□Продолжительность жизни: смертная жизнь — 9541 год, бессмертная жизнь — 1 год (1 год бессмертной жизни = 365 лет смертной жизни)□

□Уровень развития: Очищение эссенции и превращение её в ци□

□Артефакты: отсутствуют□

□Заклинания: Упражнения для возвращения жизни (ур. 10)(+), Тридцать шесть гексаграмм Постнебесного (ур. 10)(+)□

□Божественные способности: отсутствуют□

— Бессмертная жизнь? Откуда она взялась?

Глядя на то, как годы жизни не только не убавились, но и приумножились, Сюань Е изумился.

Его золотой палец и те самые более чем десять тысяч лет смертной жизни достались ему исключительно после укуса плоти Монаха Тана.

По пути в Чанъань они с Монахом Таном уже проверяли: второй укус мяса Монаха Тана не дает никакого эффекта.

Именно поэтому он не смел тратить оставшиеся годы попусту.

Добавив Упражнения для возвращения жизни до 10-го уровня, он больше не вкладывал в них очки.

Он даже подумывал раздобыть какие-нибудь духовные плоды или бессмертное вино, чтобы проверить, удастся ли продлить жизнь дальше.

Он никак не ожидал, что счетчик обычной жизни останется неподвижным, зато неведь откуда возьмется бессмертная жизнь, где один год шел за триста шестьдесят пять.

Хотя всего-то и сделал, что заглянул в Храм Чэнхуаня да постоял рядом с Бодхисаттвой Гуаньинь.

Внезапно прибавившийся год бессмертной жизни погрузил Сюань Е в глубокое недоумение.

— Старший брат, ты ведь всегда говорил мне, что всё в порядке?

Видя, как брови старшего брата сошлись на переносице, Монах Тан похлопал его по плечу — точно так же, как бывало, когда Сюань Е утешал его самого в былые дни.

— Да!

Вид Монаха Тана слегка согрел сердце Сюань Е.

Тот факт, что после визита в Храм Чэнхуаня и встречи с Гуаньинь его золотой палец вдруг разродился годом бессмертной жизни, заметно поднял ему настроение.

Вскоре оба путника добрались до храма под названием Симин.

— Была не была, прорвемся!

Переступив порог Симины, Сюань Е окончательно вернул себе душевное равновесие.

У него есть золотой палец, он прекрасно знает развитие сюжета и находится в самых доверительных отношениях с Монахом Таном — в сущности, его позиции вовсе не так слабы.

Просто враги попались слишком могущественные.

А раз золотой палец внезапно подарил единицу бессмертной жизни, значит, и в его арсенале найдутся веские аргументы.

— Намо Амитабха, почтенный настоятель, мы с младшим братом прибыли в вашу обитель, чтобы прикоснуться к учению Будды и прочесть священные сутры!

Едва переступив ворота Симины, Монах Тан взял инициативу на себя, заговорив прежде, чем Сюань Е успел раскрыть рот.

Заметив, что старший брат не в духе, Монах Тан был готов собственными силами оградить его от любых невзгод.

— Намо Амитабха!

Лицо Монаха Тана излучало глубокую святость и одухотворенность, и настоятель Симины встретил гостей с распростертыми объятиями и искренним радушием.

Глядя на то, как Монах Тан берет на себя роль хозяина положения, Сюань Е слегка улыбнулся и благоразумно промолчал.

Вскоре братья разделились: один уселся со старым монахом вести богословские споры и толковать сутры, а второй принялся наперегонки листать храмовые свитки и писания, открытые для широкой публики.

Смышленный с малых лет Монах Тан сыпал цитатами из канонов и цитировал классику так бойко, что они с настоятелем Симины мигом сошлись в жаркой и увлеченной беседе.

Сюань Е же вихрем перелистывал свитки в поисках новых заклинаний для пополнения своей коллекции...

К полудню, отведав в Симины вегетарианской пищей, Сюань Е поднялся и объявил, что им пора в путь.

Настоятель храма, прошедший всё утро в прениях с Монахом Таном, с глубоким почтением провожал обоих до самых ворот.

В учении Будды превыше всего ценится глубина познаний, и за утреннюю беседу Монах Тан заслужил искреннее и глубочайшее уважение настоятеля.

— А ты хорош, братишка! — выйдя из Симины, Сюань Е легко шлепнул Монаха Тана по плечу.

Монах Тан с сияющей улыбкой подмигнул в ответ.

Стоило ему вернуться в родную стихию, как его прежний боевой настрой и уверенность вновь заиграли в полную силу...

— Погнали, следующая точка!

Пусть в открытых свитках Симины не нашлось подходящих заклинаний, но возродившийся дух Монаха Тана подстегнул и боевой задор самого Сюань Е.

Они направились к другому буддийскому храму, что примостился неподалеку от восточных ворот столичного града.

И звался он — Монастырь Восьми Бессмертных!